

как выставленный (вовне) предел достоверности (объективности) теории. Потому с неизбежностью для неклассической науки эмпирическое также проблематизируется, поскольку приобретает различные черты и лишено общих критериев надежности. Здесь, как раз вполне уместной оказывается концепция М. Хайдеггера, проинтерпретированная как концепция множественной субъективности, поскольку она позволяет ответить на вопрос о том, как связаны разные формы рациональности с различными формами существования эмпирического.

«КЛАССИЧЕСКИЙ СТИЛЬ» НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА: СЛУЧАЙНОСТЬ И ВЕРОЯТНОСТЬ

С. В. Оболкина

*кандидат философских наук, старший преподаватель
кафедры философии Института философии и права
Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург*

Причинно-следственная структура мира, ее характер и свойства – это узловые точки онтологических представлений. То или иное решение проблемы детерминации и случайности задает угол зрения на мир, формирует научную картину мира. Но есть ли то или иное решение проблемы детерминации, проблемы онтологического статуса случая, вероятности? И, соответственно, существует ли действительный разрыв в онтологических основаниях классической, неклассической (и постнеклассической) научных картин мира? Или подобно тому как квантовая (неклассическая) механика при определенных условиях становится ньютоновской (классической), неклассическая научная картина мира в каких-то своих онтологических основах тоже конгруэнтна классической?

Мы довольно уверенно говорим о том, что вероятностный детерминизм пришел на смену детерминизму лапласовскому. Однако теория вероятности не отошла от лапласовского детерминизма в главном вопросе: она развивается в пределах гносеологической интерпретации случая. Гносеологическая интерпретация сущности случая означает онтологическое допущение только абсолютной закономерности и предзаданности. Непредсказуемость (случайность) событий рассматривается только эффектом неполноты нашего знания обо всех причинно-следственных цепочках. П.-С. Лаплас и другие представители классической науки именно так интерпретировали природу случая и вероятности. Но, что важно отметить, на этой же позиции стояли многие ученые и неклассической науки. По мысли М. Планка, например, признание

отсутствия случайности является основой научного познания: «Всякое научное мышление, даже на самых отдаленных вершинах человеческого духа, неизбежно руководится допущением, что в глубочайшей основе явлений лежит абсолютная закономерность, не зависящая от произвола и случайности»⁵¹. А. Эйнштейн оспорил ньютоновскую картину мира, однако в споре с Н. Бором упорно укрепляет ее онтологический фундамент – когда не дает вероятностной структуре мира онтологического статуса («Бог не играет в кости»). Высказывание С. Джевонса может обобщить данную позицию: «Случай (случайность) не может быть предметом теории, потому что в действительности нет такой вещи, как случай <...>»⁵².

Конечно, были попытки выйти за пределы гносеологической интерпретации феномена вероятности и рассматривать случай с онтологических позиций. Сама потребность дать дефиницию случая – это уже отход от традиции, в которой случай не нуждается в определении, поскольку является лишь проявлением неполноты нашего знания. «События, возникшие при встрече или комбинации явлений, принадлежащих независимым рядам, получившимся в порядке причинности, мы называем явлениями случайными или результатом случая»⁵³. А. Пуанкаре в работе «Наука и гипотеза» настаивает на том, что мы не можем делать безусловное предсказание на основе закона – вероятностный подход к действительности фундаментален. О. Курно говорит, что вероятность – это мера возможности события, или его способности осуществляться. Она «выражает отношение, существующее вне человеческого разума <...>»⁵⁴. В. Паули в письме М. Борну рассуждает о статистическом характере волновой функции и законов природы. Он надеется, что «статистический характер Ψ-функции (а таким образом, и законов природы), который Вы с самого начала усиленно подчеркивали в противоположность Шредингеру, будет определять стиль законов в течение по крайней мере нескольких столетий. Возможно, что позднее, например, в связи с процессами жизни, будет найдено нечто совершенно новое, но мечтать о возвращении к прошлому, к классическому стилю Ньютона – Максвелла (а то, чему посвящают себя эти господа, есть только мечты) – это кажется мне безнадежным, неправильным, признаком плохого вкуса. И мы могли бы добавить, что это даже не красивые мечты»⁵⁵. Однако общность взглядов данных

⁵¹ Планк М. Единство физической картины мира. М.: Наука, 1966. С. 100.

⁵² Джевонс С. Основы науки. СПб., 1881. С. 190. Цит. по: Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. М.: Наука, 1976. С. 37.

⁵³ Курно О. Основы теории шансов и вероятностей. М.: Наука, 1970. С. 93.

⁵⁴ Там же. С. 373–374.

⁵⁵ Борн М. Физика в жизни моего поколения. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. С. 266.

ученых в отношении вероятности – это скорее обозначение перспективы, единичные пожелания. Гносеологическая интерпретация в этом вопросе преобладает. Что подтверждает история исследования случайности в социальных исследованиях.

Проблема человеческого поведения оказалась тесно связанной с выяснением онтологического статуса случая, и нарождающаяся в XVII–XVIII вв. наука статистика вносит свою лепту в решение данных вопросов. Но поскольку подходы естествознания являются на тот период образцовыми, мыслители вольно или невольно выбирали именно «классический стиль» механицистов. А. Кетле – страховщик и философствующий математик, ученик П.-С. Лапласа, друг С.-Д. Пуассона, астроном и метеоролог, поставил задачу распространить методы естествознания на область социальных наук. «Не нелепо ли думать, что в то время, как все совершается по известным законам, один человеческий род остается слепо представленным самому себе и не имеет никакого охраняющего начала?»⁵⁶. Смерть, преступление, брак, рождение детей – область его исследований. А. Кетле делает вывод: нет свободной воли человека ни в деле брака, ни в преступлениях. Это лишь «социальная физика», в которой осуществляется предзаданность и предопределенность. Подобная позиция становится преобладающей, социологические исследования пошли по пути «классического стиля» в интерпретации случая.

Сам когнитивный инструментарий, наработанный классической наукой, не подходит для анализа идей вероятности и выяснения онтологического статуса случая. Идея вероятности холистична в принципе: макроизмерение первично, «траектории» отдельных событий (микроизмерения) подчинены целому; в том же законе больших чисел онтологический вектор направлен из большего в меньшее. Тогда как классический подход развивается в пределах меризма и редукционизма. Кроме того, онтологический подход к вероятности и случайности (анализ независимости событий или событийных рядов) обязательно предусматривает принцип иерархичности: «Идею независимости можно рассматривать как первое основание вероятностных методов исследования. Второе основание вероятностного образа мышления, которое также все еще недостаточно учитывается в методологических исследованиях, есть идея иерархии, идея уровней в строении и детерминации систем <...>. Иерархия в вероятностном подходе включает в себя определенную независимость на исходном уровне»⁵⁷.

⁵⁶ Кетле А. Человек и развитие его способностей. СПб.: Изд-во: И. О. Бакста, 1865. Цит. по: Купцов В. И. Детерминизм и вероятность. М.: Наука, 1976. С. 58–59.

⁵⁷ Сачков Ю. В. Вероятность – на путях познания сложности // Философия науки. М.: ИФ РАН, 1998. Вып. 4. С. 127–143.

Рано говорить о том, что в современной научной картине мира подобный подход преобладает. Гносеологическая интерпретация вероятности является в данном случае точкой преткновения. В отсутствии онтологических решений о природе случая, свободы и автономности событий разных уровней (страт) мыслители вынуждены говорить о них как всего лишь о «нехватке знаний», поэтому следует подчеркнуть, что на уровне самых фундаментальных онтологических представлений мы и сегодня остаемся в пределах «классического стиля». И было бы неправильным пенять в этом науке – не наука создает онтологическую матрицу. Наука формирует пространство опыта, но условия понятности опыта – это собственно работа онтологии. Онтология – фундаментальная дисциплина философии. Однако философия (за редким исключением) уже не первый век дистанцируется от нее. В итоге когнитивный инструментарий для нового (неклассического) опыта мира берется старый – из арсенала классической картины мира.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СУБЪЕКТА ПРАВА И МЕТОДОЛОГИИ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КЛАССИЧЕСКОМ И НЕКЛАССИЧЕСКОМ ПРАВООПОНИМАНИИ

М. В. Пырина

*ассистент кафедры онтологии и теории познания
Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Большинство ученых сходятся во мнении, что неклассическая наука формируется в конце XIX – начале XX вв. В работе «Исторические типы рациональности» (под. ред. П. П. Гайденко) утверждается, что вплоть до сер. XX в. сохранялась тенденция сделать научными все сферы мышления⁵⁸. Важной проблемой в данном контексте становится необходимость распространения критериев научной рациональности на область социально-гуманитарного знания. В данной статье мы попытаемся осуществить сравнительный анализ классического и неклассического правоопонимания.

Для этого необходимо выявить критерии, которые выработаны в литературе при сравнении классического и неклассического этапов развития науки. Во-первых, обратимся к исследованиям

⁵⁸ См. подробнее: Исторические типы рациональности / отв. ред. П. Л. Гайденко. М.: ИФ РАН, 1996. Т. 2. С. 271.